

© 2025 г. Е.Ю. ЧЕМЯКИН

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МУЗЕЕВ В НИГЕРИИ В 1930–1950-х годах: ЗАЩИТА ТРАДИЦИЙ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Чемякин Евгений Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: johhan@yandex.ru

Scopus Author ID: 58001736100; ORCID: 0000-0002-1441-8438; Researcher ID: AHD-3454-2022

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01100, «Колониальные механизмы и практики Британской империи в XIX – первой половине XX вв.: присвоение и переосмысление исторической памяти подчиненных народов».

Аннотация. Использование постколониальной методологии, в частности идеи о взаимосвязи власти и производства знания через научные и культурные институты, позволило по-новому взглянуть на проблемы формирования исторической памяти и национальной идентичности в странах Азии и Африки. Значительную роль в этих процессах сыграли музеи, создание которых (в отличие от европейских государств) было во многом обусловлено необходимостью решения политических задач, стоявших перед колониальными администрациями. Цель настоящей статьи – рассмотреть основные особенности возникновения музейного дела в Нигерии, крупнейшей британской колонии в Западной Африке, в 1930–1950-е годы. Ключевые задачи исследования: проанализировать основные этапы данного процесса от дискуссий 1930-х годов на страницах журнала «Нигерийский учитель» («Нигерия») до создания Нигерийской службы древностей в 1943 г. и открытия первых национальных музеев в 1940–1950-х годах; выявить роль деятельности Кеннета Мюррея, Эдварда Дакворта, Стенли Милберна и других представителей британской колониальной администрации, разделявших представления о ценности и уникальности традиционного искусства народов Нигерии, в сохранении культурного наследия этой страны. Детальный анализ источников (в частности, публикаций К. Мюррея и С. Милберна, научных статей и монографий нигерийских исследователей и т.д.) позволяет сделать следующий вывод: политика музеев, основанных в последние десятилетия британского правления, носила амбивалентный характер. Она была направлена, с одной стороны, на защиту местных произведений искусства от разграбления и вывоза за рубеж, а с другой – на реализацию колониальной политики Великобритании в процессе конструирования исторической памяти и формирования новой национальной идентичности.

Ключевые слова: Нигерия, Британская империя, колониализм, конструирование исторической памяти, музеи, Нигерийская служба древностей, постколониальные исследования, музейное дело, этнографические коллекции и империализм, производство колониального знания.

E.Yu. Chemyakin

The Emergence of Museums in Nigeria, 1930s–1950s: Preserving Traditions and Shaping Historical Memory

Evgeny Chemyakin, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: johhan@yandex.ru

Scopus Author ID: 58001736100; ORCID: 0000-0002-1441-8438; Researcher ID: AHD-3454-2022

The study was supported by grant № 24-28-01100 from the Russian Science Foundation, “Colonial Mechanisms and Practices of the British Empire in the 19th – First Half of the 20th Centuries: Appropriation and Rethinking of the Historical Memory of Subaltern Peoples”.

Abstract. The application of postcolonial methodology, particularly the concept of the relationship between colonial power and knowledge production through institutions such as museums and schools, offers a new perspective on the formation of historical memory and national identity among colonised peoples. This article examines the process of establishing museums, which functioned both as centres of traditional culture and as colonial institutions. The study explores the ambivalence surrounding the emergence of museums in Nigeria, the largest British colony in West Africa, between the 1930s and 1950s. It traces the evolution of ideas about museums from discussions of the 1930s within the magazine “Nigeria Teacher” (“Nigeria”) to the establishment of the Nigerian Antiquities Service in 1943 and the opening of the first national museums in the 1940s and 1950s. Particular attention is given to the role of individuals in founding museums and shaping legislation on the protection of cultural heritage. The article highlights the contributions of Kenneth Murray, Edward Duckworth, Stanley Milburn, and other colonial administrators who advocated for the preservation of traditional Nigerian art. The findings indicate that, on the one hand, the establishment of museums was essential for preserving Nigeria’s cultural heritage and preventing the looting and export of artworks. On the other hand, as colonial institutions, museums also played a role in constructing historical memory and shaping national and cultural identity within the framework of imperial ideology.

Keywords: Nigeria, British Empire, colonialism, historical memory construction, museums, Nigerian Antiquities Service, postcolonial studies, museum affairs, ethnographic collections and imperialism, colonial knowledge production.

Тенденции, преобладавшие в гуманитарных исследованиях во второй половине XX в., связанные с переосмыслением роли культуры в жизни общества («культурный поворот»), становлением постмодернистской философии и ревизией традиционной монополии западного знания, способствовали формированию новых научных направлений (дискурс-анализ, новый историзм, современная культурная антропология и т.д.). Развитие в 1970–1980-х годах постколониальной теории, основоположниками которой стали Эдвард Саид, Хоми Бхабха и Гаятри Спивак, являлось неотъемлемой частью этого процесса, направленного на пересмотр взаимоотношений Запада и Востока как в прошлом, так и в настоящем. Одним из ее центральных положений стала впервые сформулированная в работах французского философа Мишеля Фуко и переложенная на колониальный контекст концепция прочной взаимосвязи власти и знания, в рамках которой прошлое рассматривается не только как череда военно-политических и экономических событий и явлений, но и как результат дискурсивных практик. Постепенно среди исследователей утвердилось представление, что колониальная картина мира, в которой доминирующая роль отводилась европейским империям, формировалась в том числе и через культуру, науку, образование и т.д.

Одним из институтов формирования колониального знания и важным проводником политики европейских держав на подчиненных территориях являлись музеи. Следует отметить, что в большинстве стран Азии и Африки первые собрания памятников материальной и духовной культуры создавались преимущественно колониальными администрациями.

В своей работе «Воображаемые сообщества» британский социолог Бенедикт Андерсон называл их институтами власти, «повлиявшими на то, как колониальное государство созерцало в воображении свой доминион»¹, и отмечал, что «музеи и музеирующее воображение в глубине своей политичны»². Создание с их помощью «тотализирующей классификационной решетки» (системы упорядочивания, исчисления, определения и учета, позволявшей метрополиям контролировать подчиненные территории) способствовало процессу «объективации колонизированных народов», в рамках которого последние рассматривались как «лишенные автономности, инициативности, самоопределения, субъектности и ценного опыта, с которым следует считаться»³. Это ставило жителей колоний в заведомо подчиненное положение по отношению к европейцам. Следует отметить, что роль «механизмов», посредством которых подобный «имперский взгляд» распространялся не только на историю и культуру, но и на природу, играли ботанические сады и естественно-научные лаборатории. «Образцово организованный мир лабораторий... оказывается наглядным воплощением “культурной миссии”, подчиняющей природу разумному порядку»⁴. Таким образом, научное знание становилось важным инструментом колониальной экспансии европейских империй. При этом, создавая музеи в подчиненных странах, метрополия, с одной стороны, выступала в роли защитницы традиционной культуры, что подчеркивало доминирующий статус колониальной державы, а с другой — получала возможность влиять на историческую память местного населения.

Создание этнографических музеев в Европе также сыграло значительную роль в процессе формирования колониального дискурса. Как отмечает историк искусства Клементин Деллис, «этнографические музеи, иногда именуемые музеями культуры народов мира, являют собой наиболее яркий пример учреждений, в которых по сей день сохраняется “колониальное присутствие”»⁵. Вывезенные из колоний культовые предметы, бытовые и ремесленные изделия, составляющие основу современных коллекций европейских музеев, долгое время использовались в качестве иллюстрации превосходства западной цивилизации, с которой связывались идеи модернизации и прогресса. Выбор экспонатов, их «обезличивание» и (в ряде случаев) десакрализация, особая организация выставочного пространства — все это способствовало формированию колониального взгляда на мир.

Развитие постколониальной теории привело к переосмыслению роли и значения этнографических музеев в процессе взаимодействия метрополий и подчиненных территорий. Понимание музея как проводника политических ценностей открыло новые возможности для деконструкции колониального прошлого. Как следствие, начался процесс «ремедиации» современных этнографических собраний. К. Деллис понимает под этим термином «пересмотр амбивалентного смысла колониального прошлого», а также «экспериментирование с новыми подходами к описанию, толкованию и экспонированию предметов коллекции»⁶. В рамках данного процесса происходит частичный отказ от колониального подхода, который иногда используется при формировании и экспонировании музейных собраний и в наши дни. О необходимости этих изменений писал еще в 1990-е годы американский историк и культуролог Джеймс Клиффорд, предлагавший концепцию «музея как контактной зоны», которая должна была, по его мнению, способствовать постепенному отходу от разделения музейной практики на «центр» и «периферию». С его точки зрения, современный музей должен преодолеть разрыв между западными специалистами, этнографами,

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М., 2016. С. 267.

² Там же. С. 293.

³ Nussbaum M. C. Objectification // *Philosophy and Public Affairs*. 1995. Vol. 24. № 4. P. 257.

⁴ Савицкий Е. Е. Ботанический сад как колониальная институция: В.М. Арнольди о поездке в Бейтензорг в 1909 году // *Новая и новейшая история*. 2019. № 6. С. 56. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640007609-7>

⁵ Деллис К. Метаболический музей / пер. с англ. А.В. Глебовской. М., 2021. С. 4.

⁶ Там же. С. 38.

искусствоведами (т.е. теми, кто выступает с позиций активного субъекта изучения других цивилизаций и «производства знания» о них), с одной стороны, и представителями этнических групп, элементы традиционных культур которых являются объектами исследований, выставляются на экспозициях или хранятся в музейных архивах, — с другой. Таким образом, музей нового типа должен стать местом для диалога, сотрудничества и выработки нового знания, свободного от колониального прошлого⁷.

Более радикальные попытки избавиться от наследия колониализма в музейной сфере привели к возникновению различных организаций и общественных движений. В 2016 г. в Амстердаме прошла конференция «Деконизировать музей», инициаторы которой (Симоне Зефейк и Ходан Варсама) заявили, что намереваются «разоблачить насилие, увековеченное этнографическими музеями, критикуя их европоцентризм и уверенность в превосходстве белых»⁸. В этом же году о себе заявило движение «Деконизировать это место». Его активисты проводили акции в музеях Нью-Йорка, выступая за права коренных народов и афроамериканцев. Например, в 2018 г. они организовали демонстрацию против найма белого специалиста (Кристен Виндмюллер-Луны) в качестве куратора-консультанта по африканскому искусству в Бруклинском музее. В контексте рассматриваемых процессов особую актуальность приобретает и вопрос реституции культурных ценностей, вывезенных в Европу в колониальную эпоху. Борьба за деколонизацию музеев — часть движения, призванного переосмыслить западную культуру, историю и идентичность.

Вышеописанная тенденция во многом не случайна. Музей как феномен и социокультурный институт тесно связан с концептом исторической памяти. Его деятельность носит амбивалентный характер. Одной из ключевых задач музея является сохранение традиционной культуры и истории, другой (не менее важной) — производство знания. Как отмечает культуролог О.А. Божченко, «по отношению к исторической памяти он (музей. — *Е. Ч.*) играет двоякую роль: во-первых, позволяет ее сохранить и передать последующим поколениям, а во-вторых, музей активно участвует в ее формировании и развитии»⁹. Важно отметить, что историческая память не является статичной, она постоянно меняется и развивается. В статье, посвященной данной теме, Л.П. Репина подчеркивает: «Историческая память, содержащая актуальный набор культурных символов, понимается как постоянно обновляемая структура или как непрерывный процесс, в котором идентичность социума поддерживается посредством реконструкции воображаемого прошлого»¹⁰. Исследования факторов, влияющих на эти обновления и изменения, являются одним из актуальных направлений современных memory studies.

Изучению роли музейных институций в формировании исторической памяти посвящено немало работ и в отечественной, и в зарубежной историографии¹¹. Французский исследователь Пьер Нора писал о том, что музей относится к «базовым инструментам исторической работы и к наиболее символическим объектам нашей памяти»¹². Этнографические

⁷ Clifford J. *Museums as Contact Zones* // Clifford J. *Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century*. Cambridge; London, 1997. P. 188–219.

⁸ Decolonize the Museum Conference April 16th 2016 // AFRO Magazine.nl. 16.04.2016. URL: <https://afromagazine.nl/agenda/decolonize-museum-conference-april-16th-2016> (дата обращения: 30.08.2024).

⁹ Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3 (12). С. 112.

¹⁰ Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 11.

¹¹ См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Де Пюимеж Ж., Винок М. Франция — память / пер. с фр. и послеслов. Д.Р. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–50; Edge K.F., Weiner F.H. *Collective Memory and the Museum* // *Images, Representations and Heritage* / ed. I. Russell. Boston, 2006; Spicci M. *Museums, Memory and the Shaping of Identity. A conversation with Professor Eviatar Zerubavel* (Rutgers University) // *Altre Modernità*. 2011. № 3. P. 115–118; Божченко О.А. Указ. соч. С. 112–116; Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 16–21.

¹² Нора П. Указ. соч. С. 26.

и художественные коллекции способствуют формированию представлений о национальной истории и культуре. Как следствие, особую важность приобретают такие этапы музейной деятельности, как отбор экспонатов, составление описаний, курирование экспозиций, организация выставочного пространства и т.д. Все это является важным фактором формирования нарративов, определяющих в том числе отношение к прошлому и к исторической памяти. Музеи, созданные европейцами в странах Азии и Африки в колониальную эпоху, играли значительную роль в процессе «интеллектуальной колонизации» – формировании имперского взгляда на историю и традиции подчиненных народов, а также переосмыслении их культурного наследия.

Музеи, возникшие в африканских и азиатских колониях в конце XIX – начале XX в., создавались по образцу европейских этнографических собраний. Интерес к истории и культуре народов покоренных стран нашел свое отражение в научных экспедициях, сборе и вывозе в метрополию артефактов и предметов быта, организации выставок и формировании частных коллекций. Следует отметить, что будущие экспонаты данных собраний нередко добывались силой или обманом. При этом многие произведения искусства оказались вырванными из их культурного и общеисторического контекста (в частности, происходила десакрализация предметов, связанных с религиозными культурами и обрядами). Создание музеев в странах Азии и Африки было во многом обусловлено стремлением европейцев сохранить местные традиции и помешать разграблению культурных ценностей. При этом, будучи колониальными институтами, связанными с системой образования и воспитания, музеи являлись неотъемлемой частью политического дискурса. Эта амбивалентность проявилась, в частности, в процессе развития музейной сферы в Нигерии.

Основную часть историографии по интересующей проблематике представляют работы нигерийских авторов, что легко объясняется их повышенным вниманием к различным аспектам культурной жизни своей страны, а также положительным восприятием в африканской академической среде идей постколониальной теории (в том числе концепции взаимозависимости имперской власти и производства знания). При этом в ряде случаев наблюдается процесс «кастомизации» ее основных положений¹³. Работы Ф. Кунле, Б. Ололаджуло, Б. Онийма, Ф. Опадеджи посвящены историческим предпосылкам и основным этапам становления и развития музейного дела в Нигерии¹⁴. В то же время в ряде научных публикаций (например, таких авторов, как К. Акпанг, О. Олоиди, О. Согбесан¹⁵) данный вопрос рассматривается в более широком контексте модернизации искусства и культуры этой страны в XX в. Интерес к изучаемой проблематике наблюдается и у европейских и американских историков и культурологов (Т. Очага, А. Хеллман¹⁶ и др.), работы которых

¹³ Подробнее о «кастомизации» и адаптации постколониальной теории в африканской историографии см.: *Хохолькова Н.Е.* Постколониальный подход в африканских исследованиях: апология и критика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 3 (113). URL: <https://history.jes.su/s207987840020689-6-1/?ysclid=m6a0irvolvj40123124> (дата обращения: 30.08.2024). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840020689-6>

¹⁴ *Kunle F.* Museums in Nigeria: Historical Antecedents and Current Practice. Paris, 2003; *Olojalulo B.* Whose Past? Unity Museums, Memory Production and the Quest for National Identity in Nigeria // *West African Journal of Archaeology*. 2013. Vol. 43. Iss. 2. P. 37–51; *Onyima B.N.* Nigerian Cultural Heritage: preservation, challenges and prospects // *OGIRISI: a New Journal of African Studies*. 2016. № 12 (1). P. 273–292; *Opadeji F.* The Origin and Evolution of National Museums in Nigeria: 1900–2010: Master's thesis. Baltimore, 2020.

¹⁵ *Oloidi O.* Art and Nationalism in Colonial Nigeria // *Nsukka Journal of History*. 1989. Vol. 1. P. 92–110; *Akpang C.* Nigerian Modernism(s) 1900–1960 and the Cultural Ramifications of the Found Object in Art. Bedfordshire, 2016; *Sogbesan O.Z.* Museums in the Era of Decolonisation: the Nigerian Perspective // *Museologica Brunensia*. 2022. Vol. 11. Iss. 1. P. 10–22.

¹⁶ *Hellman A.* To Store Is to Save: Kenneth C. Murray and the Founding of the Nigerian Museum, Lagos // *Museum Storage and Meaning: Tales from the Crypt* / eds M. Brusius, K. Singh. London, 2018. P. 89–102; *Ochiagha T.* The Return of African Antiquities and the Ambiguity of the “Romantic” Colonial: Nigeria Magazine and the Benin and Ife Bronzes // *Journal of Colonialism and Colonial History*. 2023. Vol. 24. № 1. Project MUSE. 14.04.2023. URL: <https://muse.jhu.edu/article/887000> (дата обращения: 30.08.2024).

посвящены главным образом представителям британской колониальной администрации, стремившимся сохранить произведения традиционного искусства народов Нигерии – К. Мюррею, Э. Дакворту и Б. Фэггу. Отдельного упоминания заслуживает монография Аманды Хеллман «Создание музеев в Нигерии: Кеннет Мюррей и сохранение культурного наследия в колониях в Западной Африке»¹⁷, в которой подробно рассматриваются биографии «основоположников» музейного дела в этой стране.

К 1930-м годам, когда в Нигерии началось обсуждение вопроса о необходимости создания музеев, подобные институции уже действовали в ряде африканских колоний Великобритании. Так, в 1825 г. губернатором Капской колонии лордом Чарльзом Сомерсетом в Кейптауне был основан первый африканский музей («Изико»), в котором природные экспонаты выставлялись наряду с предметами быта местных племен. В 1908 г. в Кампале был открыт Музей Уганды, в 1911 г. в Найроби – Музей естественной истории Кении. Важным событием в научной и культурной жизни Восточной Африки стало создание в 1934 г. в Танганьике Национального музея Дар-эс-Салама. Основной целью деятельности этих институций являлось ознакомление европейцев с природными и географическими особенностями африканских стран, а также с интересными этнографическими находками и коллекциями. Их создание было инициировано выходцами из Великобритании, которые руководствовались представлениями о музейно-выставочной сфере, сложившимися в Европе в эпоху Нового времени. Для местных жителей сама идея функционирования специальных учреждений с целью сохранения культурных объектов была непривычна и даже чужда. Как отмечает нигерийский исследователь Флоренс Опадеджи, «коллекционирование значимых произведений искусства и артефактов, часть которых все еще активно использовалась в ритуалах, и размещение их в здании, напоминающем тюрьму, в принципе воспринимались враждебно многими африканцами»¹⁸. Как указывалось выше, для представителей местных народов «священные» предметы, вырванные из религиозного контекста (например, вынесенные из храма), лишались сакрального смысла и магической силы. Таким образом, утрачивалась важная для африканской культуры и мифологии глубинная связь между миром духовным и материальным. Музей как светское учреждение был явлением, характерным почти исключительно для европейской цивилизации.

В традиционных африканских обществах было принято хранить культурные артефакты в местах, с которыми они были непосредственно связаны через ритуальные практики и обряды. Нигерийский исследователь и художник Кунле Филани выделяет три основных традиционных института, отчасти выполнявших «музейные» функции: семейные и общинные святилища и королевские дворцы. Схожую типологию предлагает историк Олуватиин Согбесан, которая пишет о трех уровнях репрезентативного и образовательного пространства в нигерийской культуре: дом, святилище и дворец. «Понимание этих трех уровней, которые описывают частный, частный/государственный и публичный музей, дает представление о том, как люди воспринимают и представляют свою культуру вне колониальной концепции»¹⁹. Дом, святилище и дворец определяли идентичность человека, принадлежавшего к местному традиционному обществу, поэтому как сами помещения (архитектура, декоративные элементы, убранство), так и предметы, хранившиеся в них, имели сакральный характер. Дома в Нигерии строились «с учетом духовности и материальности в качестве основных ориентиров. Каждый архитектурный элемент, такой как резные дверные панели, деревянные столбы, окна и элементы крыши, имеет рисунки и надписи,

¹⁷ *Hellman A. The Making of Museums in Nigeria: Kenneth C. Murray and Heritage Preservation in Colonial West Africa. Lanham, 2023.*

¹⁸ *Opadeji F. Op. cit. P. 19.*

¹⁹ *Sogbesan O.Z. Op. cit. P. 15.*

которые информируют посетителя об идентичности, верованиях, роде занятий, клане и финансовом положении семьи»²⁰.

Предметы религиозного культа (например, маски, резные деревянные скульптуры с изображениями божеств, специальная посуда, предназначенная для ритуалов и т.д.) обычно хранились в храмах, которые располагались в священных рощах. Иногда их помещали в укромные места на семейных участках. Как правило, «священные» предметы, используемые в ритуальных практиках, не выставлялись на всеобщее обозрение и «не рассматривались как произведения искусства — они являлись объектами почитания и были посвящены духам предков и божествам. Не имело значения, кем были художники или ремесленники как личности — они были анонимны и ответственны не перед собой, а перед обществом»²¹. Подобная «обезличенная» позиция мастеров была проявлением традиционного мировоззрения, в рамках которого медиумам и медиаторам между миром духов и миром людей (колдунам, знахарям, гриотам и т.д.) отводилось особое место. Такой взгляд был характерен для многих африканских художников и скульпторов. Он представлял собой полную противоположность творческому индивидуализму, свойственному их европейским «братьям по искусству». «Священные» предметы использовались в ритуальных практиках, во время праздников и т.д. В семейных святилищах также находились артефакты, связанные с культом предков, широко распространенным среди африканских народностей и племен.

Что же касается дворцов местных правителей, при них хранились «предметы престижа, связанные с королевской властью, в виде деревянных скульптур с... резьбой, отлитых из металла фигур, королевских костюмов и аксессуаров... они могли быть символами власти и авторитета, дарующими уважение и престиж королевским особам»²². Подобные коллекции представляли особый этнографический интерес для европейцев и послужили впоследствии экспозиционной основой местных музеев.

Важно отметить, что вплоть до 1940-х годов в Британской Западной Африке, в отличие от Южной и Восточной, музейная сфера не являлась сколь-либо значимой частью культурной жизни. Даже в крупнейшей и наиболее развитой колонии этого региона — Нигерии — первый музей был основан лишь в 1945 г. Поводом для дискуссий о необходимости создания художественных и этнографических экспозиций, действующих на постоянной основе, стало разграбление королевского дворца в городе Бенин в 1897 г., в ходе санкционированной колониальными властями карательной экспедиции против местного правителя, после чего участвовавшие в ней солдаты и офицеры вывезли тысячи бронзовых изделий в Великобританию, где они были проданы в музеи и частные коллекции. В условиях отсутствия законодательства, гарантирующего защиту культурного наследия, возникла опасность утраты и других важных памятников и объектов традиционной культуры. Однако первые широкие общественные дискуссии о необходимости создания на территории Нигерии музейных институций начались лишь в 1930-е годы.

Активное участие в этих дискуссиях принимал художник Кеннет Мюррей (1902–1972), который в 1927 г. по приглашению колониальной администрации приехал в Нигерию в качестве преподавателя. В рассматриваемый период британские власти в своей образовательной политике еще придерживались практики насаждения европейских стандартов. Вследствие этого традиционное искусство не изучалось в нигерийских школах, а интерес к нему не поощрялся. Британский исследователь Фрэнк Уиллетт отмечает: «В 1920-е годы большинство нигерийцев проявляли интерес в первую очередь к европейской культуре; искусство и ремесла их предков презирались как “нецивилизованные”, и мало кто из европейцев заботился об их сохранении»²³. Мюррей представлял собой редкое исключение — он с большой любовью и деликатностью относился к африканскому наследию. Путешествуя

²⁰ Ibidem.

²¹ Kunle F. Op. cit. P. 2.

²² Ibidem.

²³ Willett F. Kenneth Murray: Through the Eyes of His Friends // African Arts. 1973. Vol. 6. № 4. P. 2.

по стране, участвуя в археологических экспедициях (в том числе в раскопках в Ифе и Эси), наблюдая за местными мастерами-ремесленниками, он пришел к осознанию ценности и уникальности традиционной культуры, необходимости ее сохранения. Особое отношение Мюррея к африканскому искусству и ремеслам отразилось и в его подходе к преподаванию. В частности, он стремился заинтересовать своих учеников идеей национально-культурного возрождения. По мнению Мюррея, его необходимым условием являлся отказ от европеизации нигерийского искусства. Он был убежден в том, что «истинная современность может быть достигнута только в том случае, если африканцы вернуться к своим корням, и произойдет модернизация культурных ценностей, что является единственным способом создать современное общество, которое будет оставаться африканским в своей основе»²⁴. Некоторые ученики Мюррея впоследствии вспоминали, что своим творческим интересом к традиционному нигерийскому искусству они обязаны именно ему²⁵.

С начала 1930-х годов Мюррей начал увлекаться археологией и коллекционированием. Ему принадлежала большая коллекция терракотовых фигурок, деревянных скульптур, масок, предметов из слоновой кости (к 1941 г. она насчитывала более 200 ремесленных изделий)²⁶. В 1936 г. в письме к матери он высказал опасение, что нигерийская традиционная культура может вскоре исчезнуть²⁷. Основные причины возможной утраты местного художественного наследия он видел в отсутствии надлежащих условий для хранения произведений искусства, вывозе из страны ценных артефактов и постепенной потере технологий. Важным фактором являлась также политика колониальных властей, которые не были заинтересованы в сохранении традиционной культуры, и, как отмечалось выше, продолжали навязывать европейские стандарты в образовании и искусстве. В 1942 г. Мюррей писал: «В то время как старые произведения искусства разрушаются и исчезают так быстро, что уже через два поколения от них ничего не останется, ныне живущие ремесленники и художники теряют свою практику, поскольку получают все меньше заказов на новые работы»²⁸. Выход из этой ситуации он видел в сборе уцелевших артефактов по всей стране и создании музеев, предназначенных для их хранения и экспонирования. По замыслу Мюррея, демонстрация уникальных произведений местного искусства должна была напомнить самим нигерийцам о ценности и разнообразии их культуры. Музеи же могли стать основой для последующего национального возрождения.

Мюррей был не единственным, кто говорил и писал о необходимости сохранения местного культурного наследия. Обсуждение этих вопросов происходило во второй половине 1930-х годов на страницах педагогического журнала «Нигерийский учитель» (с 1936 г. «Нигерия»). Данная дискуссия стала возможной благодаря главному редактору этого издания Эдварду Дакворту, который, подобно Мюррею, был приглашен в Нигерию в качестве преподавателя естественно-научных дисциплин. В 1931 г. Дакворт занял должность инспектора по делам образования в колониальной администрации Нигерии, а спустя два года возглавил выпуск журнала «Нигерийский учитель». Благодаря его инициативе на страницах издания стали публиковаться не только профессиональные материалы, но и статьи на самые разные темы, в том числе посвященные традиционной нигерийской культуре. Как правило, они сопровождались фотографиями, сделанными самим Даквортом. Во второй половине 1930-х годов журнал стал ориентироваться на более широкий круг читателей, что помогло привлечь рекламодателей и увеличить тираж издания.

Будучи главным редактором и автором журнала, Дакворт не упускал возможности писать о ценности и уникальности традиционного нигерийского искусства, необходимости

²⁴ Цит. по: *Oloidi O.* Op. cit. P. 107.

²⁵ *Akpang C.* Op. cit. P. 183.

²⁶ *Hellman A.* The Grounds for Museological Experiments: Developing the Colonial Museum Project in British Nigeria // *Journal of Curatorial Studies.* 2014. Vol. 3. № 1. P. 82.

²⁷ *Hellman A.* To Store Is to Save... P. 89.

²⁸ *Murray K.C.* Art in Nigeria: The Need for a Museum // *Journal of the Royal African Society.* 1942. Vol. 41. № 165. P. 244.

сохранения местного культурного наследия. Он обращался с призывом к своим читателям: «Помогайте развивать уважение к старине... Уважайте прошлое, записывайте его историю, дорожите его знаками, помогайте строить музеи в Нигерии»²⁹. Дакворт много путешествовал по стране и в самом начале своей редакторской деятельности побывал в городах Ифе и Эси, где сохранились важные археологические памятники Западной Нигерии. Благодаря своему интересу к древностям он познакомился с Кеннетом Мюрреем и Стенли Милберном. С 1926 по 1936 г. последний занимал должность суперинтенданта по вопросам образования в Нигерии. В 1935 г. Дакворт пригласил их войти в редколлегию журнала «Нигерийский учитель». На страницах этого издания впоследствии будут публиковаться статьи и заметки Мюррея и Милберна с призывами сохранить самобытную нигерийскую культуру и предметы старины. В 1935 г. Милберн писал: «Следует признать, что мало кто сейчас может получить шанс увидеть лучшие примеры резьбы по дереву. Поэтому крайне важно, чтобы в Нигерии был... центральный музей, где образцы лучших произведений искусства могли бы быть сохранены и изучены будущими поколениями африканцев»³⁰. Важно отметить, что при рассмотрении данной проблематики Милберн в целом мыслил в рамках колониального подхода. Он отмечал, что многие из произведений нигерийского традиционного искусства являлись предметами языческих культов, и это обесценивало их в глазах европейцев. Последние, как правило, видели в африканских сакральных символах лишь образцы примитивной, неразвитой культуры. Возражая против подобного подхода, Милберн сравнивал нигерийских идолов с греческими скульптурами и римскими статуями, которые также «первоначально были идолами, а теперь изучаются только как произведения искусства»³¹. По его мнению, изделия нигерийских мастеров могут послужить вдохновением для творчества будущим художникам и скульпторам, которые, «возможно, пожелают выразить другие идеи»³². Рассуждая на эту тему, Мюррей выражал сомнения в том, что произведения нигерийского традиционного искусства будут положительно восприняты и оценены европейским зрителем. Описывая образцы местных деревянных скульптур, он, в частности, отмечал: «Хотя эти формы могут показаться странными для европейцев, как и многие азиатские работы, это не означает, что они не имеют эстетического значения для тех, кто их создает и использует»³³. Таким образом, и Милберн, и Мюррей разделяли представление о «колониальной иерархичности», согласно которому произведения традиционного искусства народов Азии и Африки находились на более низком уровне «эстетической шкалы», нежели творения западных мастеров. Однако это не противоречило их стремлению сохранить и защитить культурное наследие Нигерии.

О подобном двойственном отношении к африканской культуре, распространенном среди многих представителей британской администрации, пишет и американский историк Филипп Зачернюк. Он выделяет особую категорию колониальных чиновников, которых обозначает термином «романтики» и характеризует их взгляды как «мягкую оппозицию основному имперскому дискурсу». К числу последних Зачернюк относит Дакворта и Мюррея, отмечая, что они «не обязательно выходили за рамки имперского патернализма и не считали, что Африка равна Европе в плане цивилизованности», но при этом были убеждены в значимости исторического прошлого Черного континента и его вклада в современную цивилизацию³⁴. Дакворт писал: «Искусство нигерийского народа – это то, чем он вполне может гордиться. Оно может быть легко адаптировано к современным условиям и является одним из тех вкладов, который они (нигерийцы. – Е. Ч.) могут внести в цивилизацию и который

²⁹ Цит. по: *Onyima B.N.* Op. cit. P. 279.

³⁰ *Milburn S.* These Disgusting Images // *The Nigerian Teacher.* 1935. № 4 (1). P. 16.

³¹ *Milburn S.* Yoruba Schools and Yoruba Life: A Plea for Museums // *The Nigerian Teacher.* 1933. № 1 (1). P. 3–4.

³² *Ibid.* P. 4.

³³ *Murray K.C.* Op. cit. P. 247.

³⁴ *Zachernuk P.S.* African History and Imperial Culture in Colonial Nigerian Schools // *Africa: Journal of the International African Institute.* 1998. Vol. 68. № 4. P. 494.

завоевывает честь и уважение африканской расе»³⁵. Схожие идеи разделял и Кеннет Мюррей, в 1942 г. назвавший Нигерию «одной из самых интересных колоний в империи с точки зрения ее искусств и ремесел»³⁶.

Как указывалось выше, идеи, разделяемые «романтиками» в лице Мюррея, Дакворта, Милберна и ряда других колониальных администраторов, нашли свое выражение в статьях журнала «Нигерийский учитель» («Нигерия»). Следует отметить, что в числе авторов этого издания, выступавших за сохранение местной традиционной культуры, было и несколько именитых нигерийцев, в частности придворный историк бенинских правителей (оба) Эвеки II (1914–1933) и Акензуа II (1933–1978) Джейкоб Эгаревба, опубликовавший в 1936 г. «Краткую историю Бенина», и король (оони) Ифе Адесоджи Адереме (1930–1980). Их публикации были посвящены народам, проживающим на территории Нигерии (так, статья А. Адереме, опубликованная в 1937 г., представляет собой краткую историю Ифе; в ней автор анализирует причины упадка, в который пришли традиционные ремесла после начала европейской колонизации), а также местному художественному наследию. Статья Д. Эгаревбы, вышедшая в свет в 1939 г., основной темой которой является искусство Бенина, завершается пронзительными строками: «Я молюсь за возрождение современных ремесел на высоком уровне древних мастеров и за то, чтобы хотя бы часть ценных предметов, вывезенных британскими войсками во время карательной экспедиции 1897 г., была возвращена в будущей музей Бенина»³⁷.

Дискуссии достигли своего пика в 1938 г., когда вышел специальный номер журнала (№ 14), посвященный нигерийскому павильону на Имперской выставке в Глазго. В нем были опубликованы статьи об изделиях из бенинской бронзы в Ифе (автор – Э. Дакворт), каменных фигурах в Эси (Дж.Д. Кларк), архитектуре Северной Нигерии (У.Ф. Джеффрис), традиционных нигерийских росписях (К. Мюррей) и т.д.³⁸ Авторы текстов обращали особое внимание на то, что эти уникальные произведения искусства нуждаются в особых условиях хранения, и настаивали на необходимости создания специализированного музея³⁹. Выпуск разошелся огромным тиражом, экземпляры журнала активно распространялись в Великобритании, что привлекло внимание местной общественности к нигерийской культуре и к вопросам ее сохранения. Эта тема вызвала интерес и в министерстве по делам колоний. По окончании Имперской выставки произошла встреча между Даквортом и Уильямом Ротенштейном, советником министра по делам колоний, на которой обсуждался вопрос создания в Нигерии этнографического музея. Ротенштейн поддержал эту идею и поспособствовал нескольким дополнительным публикациям Дакворта и Мюррея в европейских изданиях (фотографии Дакворта послужили сопровождением к статье Герберта Мейеровица о бронзовых и терракотовых изделиях в Ифе в журнале *Burlington Magazine*, а статьи Мюррея о древностях Ифе и Эси были изданы в лондонской газете *The Sphere*)⁴⁰. Однако в итоге все ограничилось обещаниями, и колониальная администрация по-прежнему не предпринимала никаких шагов в отношении защиты памятников и произведений традиционного искусства Нигерии.

К концу 1930-х годов необходимость создания музеев объяснялась как практическими, так и теоретическими задачами. По-прежнему актуальной проблемой оставалась защита уцелевших древних артефактов от разграбления и вывоза за рубеж. Резонансным стал случай, связанный с доцентом антропологии Уильямом Баскомом, который в 1938 г. тайно переправил из Нигерии в США несколько бронзовых статуй, обнаруженных во время строительных работ недалеко от королевского дворца в Ифе⁴¹. Дакворт и Мюррей активно включились в борьбу за возвращение этих произведений искусства. Однако добиться успеха

³⁵ Цит. по: *Ochiagha T.* Op. cit.

³⁶ *Murray K.C.* Op. cit. P. 241

³⁷ *Egharevba J.* Art and Craft Work in the City of Benin // *Nigeria*. 1939. № 18. P. 106.

³⁸ См.: *Nigeria*. 1938 (June). № 14.

³⁹ *Ochiagha T.* Op. cit.

⁴⁰ *Ibidem.*

⁴¹ *Ibidem.*

легальными методами представлялось практически невозможным, так как в рассматриваемый период в Нигерии отсутствовали какие-либо законы, препятствовавшие вывозу культурных ценностей из страны. Сам Баском в ответ на обвинения, предъявленные ему Даквортом, Мюрреем, Адереми и представителями британской колониальной администрации, заявил, что не может вернуть бронзовые изделия в Нигерию, так как в этой стране отсутствуют надлежащие условия для их хранения. Лишь в 1950 г. он согласился возвратить эти произведения искусства на их историческую родину.

На протяжении длительного времени в метрополии доминировало представление, что ритуальные, культовые атрибуты, предметы роскоши и быта, созданные африканскими мастерами, представляют собой ценность исключительно в этнографическом смысле, и поэтому самые интересные находки должны быть отправлены в европейские музеи и частные коллекции, где их смогут оценить профессионалы. При этом важность произведений традиционного искусства для самих жителей Нигерии не принималась во внимание. Тем не менее инцидент с Баскомом и активные попытки Дакворта и Мюррея вернуть вывезенные в США бронзовые статуи на родину способствовали принятию в 1938 г. колониальной администрацией указа, в соответствии с которым британские власти устанавливали контроль за экспортом древностей из Ифе⁴², а в 1939 г. началось обсуждение идеи строительства в этом городе археологического музея (он был открыт лишь в 1954 г.).

Другая, не менее актуальная проблема заключалась в отсутствии надлежащих условий для хранения артефактов. В статье «Искусство в Нигерии. Необходимость музея» Кеннет Мюррей подробно описал те разрушения, которым подвергались местные произведения искусства: «Все фигуры предков в округе Орон повреждены... белые муравьи медленно прогрызают себе путь от ног вверх. Многие из больших щелевых барабанов Ананга заброшены и лежат без присмотра под открытым небом... во многих местах игбо больше не используют резные двери, а выбрасывают их на улицу. Старые бронзовые изделия, оставшиеся в Бенине, лежат на грязном алтаре без достаточной защиты. Великолепная бронза Ифе сложена в разбитом ящике из-под посуды вместе с хрупкими изделиями из глины... Повсюду маски и головные уборы для танцев... гниют»⁴³. На протяжении длительного времени колониальная администрация не придавала данной проблеме серьезного значения, поскольку не видела особой ценности в «примитивном» африканском искусстве и не собиралась тратить денежные средства на его сохранение.

Становление во второй половине 1930-х годов новой колониальной парадигмы, суть которой заключалась в необходимости воспитания нового поколения африканцев – будущей опоры британских властей, способствовало и изменениям в подходе к образованию⁴⁴. Новые учебники и школьные программы составлялись с учетом исторических достижений местных народов. Как отмечает Ф. Зачернюк, «они часто начинались с широко распространенного представления о том, что историческое образование должно быть сосредоточено на Африке»⁴⁵. И хотя тексты этих учебников еще не были свободны от традиционного колониального подхода к истории и культуре африканских народов, все же появились некоторые возможности для оппонирования имперской идеологии. Идея создания музея как образовательного и исследовательского центра соответствовала данным тенденциям. Мюррей отмечал: «Художники, как и нигерийские врачи, учителя, юристы, бизнесмены и чиновники, нуждаются в музее, где они могли бы изучать африканское искусство»⁴⁶. По мысли британского педагога, создание музея должно было стать важным шагом в процессе нигерийского культурного возрождения. Его необходимым условием Мюррей считал знание исторического прошлого этой страны, любовь и уважение к нему.

⁴² Ibidem.

⁴³ Murray K.C. Op. cit. P. 245–246.

⁴⁴ См.: Pearce R.D. The Turning Point in Africa: British Colonial Policy, 1938–48. London, 1982.

⁴⁵ Zachernuk P.S. Op. cit. P. 492.

⁴⁶ Murray K.C. Op. cit. P. 247.

Историческая память, сохранению которой способствует, в частности, музейная деятельность, является важным фактором формирования культурной и национальной идентичности. Мюррей прекрасно осознавал эту взаимосвязь. В вышеупомянутой статье он писал: «Существует огромный контраст между Великобританией, чья история уходит корнями в глубь веков и отражена в искусстве, архитектуре и документах, и Нигерией, в которой полностью отсутствуют какие-либо связанные между собой записи сроком давности более нескольких лет. Нет никаких сомнений в психологическом значении для британцев их истории и в том, что нигерийскому народу ее не хватает. В музее можно собрать воедино свидетельства прошлых цивилизаций и достижений в искусстве, которые помогут нигерийцу гордиться собой и быть уверенным в себе»⁴⁷. Следует отметить, что размышления Мюррея отражали изменения в восприятии европейскими исследователями национального прошлого нигерийцев. Если на протяжении предшествующих десятилетий в академической среде господствовало убеждение, что до прихода британцев Нигерия не знала сколь-либо значимых культурных достижений, то в 1930–1940-е годы возросло количество археологических находок, публикаций, фотографий, подтверждающих обратное. Так, например, обнаружение значительного числа терракотовых фигурок недалеко от деревни Нок (в 1928 г. и в 1943 г.) позволило ученым сделать предположение о существовании на территории современной Нигерии древней цивилизации.

Создание национального музея могло способствовать не только росту интереса к историческому прошлому, но и укреплению единой нигерийской идентичности. По изначальному замыслу Мюррея, такой музей должен был экспонировать произведения искусства из разных регионов страны, относившиеся к различным культурам и эпохам⁴⁸, что (наряду с другими факторами) постепенно привело бы к формированию представления о единстве и исторической общности народов, проживавших на ее территории. В такой сложной в этническом отношении колонии, как Нигерия, это было важной политической задачей, стоявшей перед британской администрацией. Поскольку границы страны, установленные Лондоном, не соответствовали ее «естественной» этноконфессиональной картине, музей должен был способствовать формированию новой исторической «надэтнической» памяти, смещая акцент с особенностей отдельных доколониальных культур на единство общего наследия. Следует отметить, что на практике эти идеи не были полностью реализованы. Музеи, возникшие в 1940–1950-х годах, создавались на основе коллекций, находившихся в важных археологических центрах: Ифе, Эси, Бенине и др. Как отмечает Флоренс Опадеджи, «основу музеев составляли локальные коллекции, а не свезенные из крупных центров страны материалы, как планировал Мюррей»⁴⁹. Тем не менее роль этих музеев в формировании нигерийской национальной идентичности сложно переоценить. Идея конструирования единой исторической памяти нашла свое отражение в концепции «музея национального единства», первые проекты которого были озвучены еще в 1943 г. Предполагалось, что древнее искусство и материальная культура разных народов Нигерии (йоруба, игбо, хауса и др.) «будут способствовать формированию исторической памяти, вызывающей в каждом гражданине чувство национальной гордости»⁵⁰. В 1972 г. открылась первая подобная институция – Национальный музей единства в Энугу. В 2002 г. аналогичный музей был основан в Ибадане. В этих собраниях представлены артефакты и образцы материальной культуры различных этнических групп Нигерии.

Активная деятельность Дакворта и Мюррея привела к тому, что в 1943 г. была создана Нигерийская служба древностей. Последний был назначен ее главным инспектором. Он предпринял первые шаги по фотографированию, каталогизации и скупке произведений искусства. В том же году Мюррею было поручено провести официальную экспертизу

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ *Opadeji F.* Op. cit. P. 16.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ *Ololajulo B.* Op. cit. P. 44.

древностей по всей Нигерии и дать свои рекомендации по вопросам их сохранности. Его помощником с 1947 г. стал археолог Бернард Фэгг. В конце 1940-х годов Мюррей и Фэгг в рамках деятельности в Нигерийской службе древностей занимались поиском, скупкой и возвращением в страну вывезенных из нее ранее культурных артефактов.

Первый в истории Нигерии музей открылся в 1945 г. в Эси. Первоначально он располагался в небольшом здании и был закрыт для массового посещения. Основу музейной коллекции составляли каменные скульптуры и изображения, обнаруженные в этом городе в 1933 г. Главной задачей музея декларировалось создание необходимых условий для хранения данных артефактов, являющихся важной частью исторического наследия Нигерии. В том же 1945 г. по инициативе Мюррея и при поддержке обы Акензуа II был основан Бенинский музей, коллекция которого изначально располагалась в королевском дворце, а затем несколько раз переезжала. С 1946 г. куратором музея был назначен историк Д. Эгаревба. Представленная в нем коллекция состояла главным образом из локальных археологических находок, имеющих важное значение для истории региона, в том числе бронзовых, латунных и терракотовых изделий, созданных мастерами Королевства Бенин. Современное здание музея было построено и открыто для посетителей в 1973 г. В 1947 г. в Нигерии прошла первая выставка древностей, которую в течение двух недель посетили 43 тыс. человек. На протяжении 1950–1960-х годов музейное строительство приобрело еще более широкий размах. Открылись музеи: Музей Джосы (1952), Национальный музей Ифе (1954), Национальный музей Нигерии в Лагосе (1957), Музей Орона (1958), Музей Кано (1968) и Музей Ово (1968).

Параллельно с этим развивалось законодательство в сфере охраны объектов культурного наследия. В 1953 г. усилия Мюррея и Дакворта привели к принятию колониальной администрацией Постановления о древностях № 17, в соответствии с которым Служба древностей была преобразована в Департамент древностей⁵¹. В его задачи входили поиск, изучение и сохранение ценных артефактов. В этом законодательном акте «древности» определялись как «любой объект археологического интереса, любое произведение искусства или ремесленное произведение локального происхождения, созданное до 1918 г. или представляющее исторический, художественный или научный интерес»⁵². Местные власти и специально сформированные комитеты получили право контролировать археологические раскопки и последующие продажу, аренду и вывоз древностей.

В дальнейшем в рамках законодательства об охране культурного наследия были приняты другие акты, среди которых наиболее важными являлись: Положение о древностях (1957), Декрет о древностях (1969), Декрет о древностях (1974) и, наконец, Декрет о создании Национальной комиссии по музеям и памятникам (1979)⁵³. В задачи последней входили: создание музеев и управление ими, контроль над сохранностью древностей и памятников, сбор, изучение и описание объектов материальной культуры и произведений искусства.

Создание музеев в Нигерии способствовало сохранению местного культурного наследия. Именно этого добивались Дакворт, Мюррей и другие «романтики». Тем не менее некоторые исследователи справедливо отмечают, что у этого процесса была и обратная сторона, связанная с «воспитанием граждан в британском духе», а также с распространением «европейских взглядов на мир в ущерб коренным культурам и народам Нигерии»⁵⁴. Деятельность музеев способствовала переосмыслению исторического прошлого страны и формированию единой нигерийской идентичности. При этом важно отметить, что музеи являлись колониальным институтом, созданным по европейскому образцу. Вопросы административного управления и организации выставочного пространства находились в ведении

⁵¹ *Nomishan T.S., Gubam D., Dakogol C.* The Decree No. 77 of 1979 and Nigeria's Cultural Heritage: An Appraisal // *Wukari International Studies Journal*. 2022. Vol. 5. № 1. P. 6.

⁵² *Odofin K.T.* The Role of Museums in the Historical Research: A Focus on the Present Operations of Museums in Nigeria // *Zaria Archaeology Papers*. 2000. Vol. 8. P. 42.

⁵³ *Nomishan T.S., Gubam D., Dakogol C.* Op. cit. P. 1–16.

⁵⁴ *Sogbesan O.Z.* Op. cit. P. 18.

британских чиновников, мысливших преимущественно в рамках имперской идеологии. Это накладывало «колониальный» отпечаток на музейную деятельность в 1940–1950-е годы.

* * *

Музейное дело в Нигерии прошло долгий путь от дискуссий 1930-х годов до создания Нигерийской службы древностей и первых экспозиций, действующих на постоянной основе, а также принятия законодательных актов об охране культурного наследия. Значительную роль в этом процессе сыграл личный фактор. Активная деятельность К. Мюррея, Э. Дакворта, С. Милберна, Б. Фэгга и ряда других представителей колониальной администрации, разделявших идеи ценности и уникальности традиционной нигерийской культуры, способствовала росту внимания к произведениям искусства местных мастеров и проблемам их сохранения. Благодаря археологической, публикационной, административной и лоббистской деятельности этих энтузиастов в стране были основаны первые музеи и приняты законы, регулирующие вопросы об охране культурных ценностей. Музеи решали как практические (защита уцелевших предметов древности от разграбления и вывоза за рубеж, а также создание необходимых условий для хранения артефактов), так и идеологические (воспитание и образование представителей нового поколения нигерийцев, формирование у них национальной и культурной идентичности) задачи. В целом их деятельность носила амбивалентный характер, будучи направленной, с одной стороны, на защиту традиционной культуры, а с другой – на реализацию колониальной политики Великобритании.

Библиография / References

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М., 2016.

Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3 (12). С. 112–115.

Делисс К. Метаболический музей / пер. с англ. А.В. Глебовской. М., 2021.

Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Де Пюимез Ж., Винок М. Франция – память / пер. с фр. и послеслов. Д.Р. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–50.

Ренина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. № 2. С. 16–21.

Савицкий Е.Е. Ботанический сад как колониальная институция: В.М. Арнольди о поездке в Бейтензорг в 1909 году // Новая и новейшая история. 2019. № 6. С. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640007609-7>

Хохолкова Н.Е. Постколониальный подход в африканских исследованиях: апология и критика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 3 (113). URL: <https://history.jes.su/s207987840020689-6-1/?ysclid-m6a0irvolj40123124> (дата обращения: 30.08.2024). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840020689-6>

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism] / per. s angl. V.G. Nikolaeva; vstup. st. S.P. Ban'kovskoi. Moskva, 2016. (In Russ.)

Bozhchenko O.A. Istoricheskaiia pamiat' kak forma muzeinoi refleksii [Historical Memory as a Form of Museum Reflection] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture and Arts]. 2012. № 3 (12). S. 112–115. (In Russ.)

Deliss C. Metabolicheskii muzei [The Metabolic Museum] / per. s angl. A.V. Glebovskoi. Moskva, 2021. (In Russ.)

Khokhol'kova N.E. Postkolonial'nyi podkhod v afrikanskikh issledovaniikh: apologiia i kritika [Postcolonial Approach in African Studies: Approval and Criticism] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2022. T. 13. Vyp. 3 (113). URL: <https://history.jes.su/s207987840020689-6-1/?ysclid-m6a0irvolj40123124> (access date: 30.08.2024). DOI: <https://doi.org/10.18254/s207987840020689-6> (In Russ.)

Nora P. Problematika mest pamiat' [Problems of Places of Memory] // Nora P., Ozuf M., De Piuimezh Zh., Vinok M. Frantsiia – pamiat' [France – Memory] / per. s fr. i posleslov. D.R. Khapaevoi. Sankt-Peterburg, 1999. S. 17–50. (In Russ.)

Repina L.P. Istoricheskaia pamiat' i natsional'naia identichnost': podkhody i metody issledovaniia [Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods] // Dialog so vremenem [Dialogue with Time]. 2016. Vyp. 54. S. 9–15. (In Russ.)

Rostovtsev E.A., Sidorchuk I.V. Muzei i istoricheskaia pamiat' v sovremennoi Rossii [Museums and Historical Memory in Modern Russia] // Voprosy muzeologii [The Issues of Museology]. 2014. № 2. S. 16–21. (In Russ.)

Savitskii E.E. Botanicheskii sad kak kolonial'naia institutsiia: V.M. Arnol'di o poezdke v Beitenzorg v 1909 godu [Botanical Garden as a Colonial Institution: V.M. Arnoldi About his Journey to Buitenzorg in 1909] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2019. № 6. S. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.31857/s013038640007609-7> (In Russ.)

Akpang C. Nigerian Modernism(s) 1900–1960 and the Cultural Ramifications of the Found Object in Art. Bedfordshire, 2016.

Clifford J. Museums as Contact Zones // Clifford J. Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge; London, 1997. P. 188–219.

Decolonize the Museum Conference April 16th 2016 // AFRO Magazine.nl. 16.04.2016. URL: <https://afromagazine.nl/agenda/decolonize-museum-conference-april-16th-2016> (access date: 30.08.2024).

Edge K.F., Weiner F.H. Collective Memory and the Museum // Images, Representations and Heritage / ed. I. Russell. Boston, 2006.

Egharevba J. Art and Craft Work in the City of Benin // Nigeria. 1939. № 18. P. 105–106.

Hellman A. The Grounds for Museological Experiments: Developing the Colonial Museum Project in British Nigeria // Journal of Curatorial Studies. 2014. Vol. 3. № 1. P. 74–96.

Hellman A. The Making of Museums in Nigeria: Kenneth C. Murray and Heritage Preservation in Colonial West Africa. Lanham, 2023.

Hellman A. To Store Is to Save: Kenneth C. Murray and the Founding of the Nigerian Museum, Lagos // Museum Storage and Meaning: Tales from the Crypt / eds M. Brusius, K. Singh. London, 2018. P. 89–102.

Kunle F. Museums in Nigeria: Historical Antecedents and Current Practice. Paris, 2003.

Milburn S. These Disgusting Images // The Nigerian Teacher. 1935. № 4 (1). P. 12–19.

Milburn S. Yoruba Schools and Yoruba Life: A Plea for Museums // The Nigerian Teacher. 1933. № 1 (1). P. 2–7.

Murray K.C. Art in Nigeria: The Need for a Museum // Journal of the Royal African Society. 1942. Vol. 41. № 165. P. 241–249.

Nomishan T.S., Gubam D., Dakogol C. The Decree No. 77 of 1979 and Nigeria's Cultural Heritage: An Appraisal // Wukari International Studies Journal. 2022. Vol. 5. № 1. P. 1–16.

Nussbaum M.C. Objectification // Philosophy and Public Affairs. 1995. Vol. 24. № 4. P. 249–291.

Ochiagha T. The Return of African Antiquities and the Ambiguity of the “Romantic” Colonial: Nigeria Magazine and the Benin and Ife Bronzes // Journal of Colonialism and Colonial History. 2023. Vol. 24. № 1. Project MUSE. 14.04.2023. URL: <https://muse.jhu.edu/article/887000> (access date: 30.08.2024).

Odojin K.T. The Role of Museums in the Historical Research: A Focus on the Present Operations of Museums in Nigeria // Zaria Archaeology Papers. 2000. Vol. 8. P. 39–51.

Oloidi O. Art and Nationalism in Colonial Nigeria // Nsukka Journal of History. 1989. Vol. 1. P. 92–110.

Ololajulo B. Whose Past? Unity Museums, Memory Production and the Quest for National Identity in Nigeria // West African Journal of Archaeology. 2013. Vol. 43. Iss. 2. P. 37–51.

Onyima B.N. Nigerian Cultural Heritage: preservation, challenges and prospects // OGIRISI: a New Journal of African Studies. 2016. № 12 (1). P. 273–292.

Opadeji F. The Origin and Evolution of National Museums in Nigeria: 1900–2010: Master's thesis. Baltimore, 2020.

Pearce R.D. The Turning Point in Africa: British Colonial Policy, 1938–48. London, 1982.

Sogbesan O.Z. Museums in the Era of Decolonisation: the Nigerian Perspective // Museologica Brunensia. 2022. Vol. 11. Iss. 1. P. 10–22.

Spicci M. Museums, Memory and the Shaping of Identity. A conversation with Professor Eviatar Zerubavel (Rutgers University) // Altre Modernita. 2011. № 3. P. 115–118.

Willett F. Kenneth Murray: Through the Eyes of His Friends // African Arts. 1973. Vol. 6. № 4. P. 2–93.

Zachernuk P.S. African History and Imperial Culture in Colonial Nigerian Schools // Africa: Journal of the International African Institute. 1998. Vol. 68. № 4. P. 484–505.